

УДК 81-119

К.И. Кийченко

## ЭВРИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ГИПОТЕЗЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ГУМАНИТАРИСТИКЕ

**КИЙЧЕНКО Кирилл Игоревич** – научный сотрудник, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Россия, 119991, Москва, ГСП-1, ул. Ленинские Горы, 1  
e-mail: philos@inbox.ru

В настоящей статье гуманитаристика рассматривается как сфера синтеза повседневного жизненного опыта и теоретического освоения действительности. По мнению автора, гуманитаристика выполняет роль «переводчика» описаний реальности с языка повседневности на язык конкретных дисциплин. Поэтому основное внимание в тексте уделяется анализу ключевых положений современной лингвофилософии и постановке вопроса о бытийственном статусе языка в рамках гипотезы лингвистической относительности.

ГИПОТЕЗА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ; ГУМАНИТАРИСТИКА; ТИПЫ РАЦИОНАЛЬНОСТИ; ЛИНГВОФИЛОСОФИЯ; Л. ВИТГЕНШТЕЙН; Б. ГАСПАРОВ.

Гуманитаристика может быть описана как сфера синтеза повседневного жизненного опыта и теоретического освоения действительности. Она как бы прокидывает мостик между двумя полюсами нашего постижения мира: практическим (деятельностным) и теоретическим (рациональным). Этот мостик состоит из специализированных социальных и гуманитарных дисциплин. Гуманитаристика же выполняет роль «переводчика» описаний реальности с языка повседневности на язык конкретных дисциплин. Данная позиция позволяет выявить специфическую методологию гуманитаристики, возвращающую фокус сознания познающего на специфические проблемы повседневной жизни человека. Акцент смещается не к исследованию всеобщих закономерностей, но к исследованию частного, особенного, уникального. Данные установки могут способствовать реабилитации статуса повседневности, возрождению исследовательского (теоретического) интереса к повседневности. Эту методологию можно условно назвать «антиредукционистской», ибо это методология исследования единичного, индивидуального в противовес установкам на универсализм, осуществляющим редукцию сложного мира неклассифицируемых

феноменов к голой схеме; бесконечно разнообразного мира – к модели мира. Соответственно постулируется и новый тип рациональности, особый тип суждения о человеке, его индивидуальности, культурной специфике социальных и общественных групп, о взаимоотношениях человека с природной средой. Важнейшее теоретическое положение заключается в том, что, осуществляя подобный методологический сдвиг, мы начинаем рассматривать людей и человеческую деятельность как динамичные бытийственные явления, не детерминированные никакими устойчивыми законами и каузальными связями. Гуманитаристика ставит вопрос о специфике исследования «человека свободного», осуществляя реабилитацию ценностного (в противовес разумно-прагматическому) измерения нашего отношения к действительности, и образует комплекс представлений о ценностно-рациональной деятельности человека, «заброшенного» в мир.

Гуманитарные и социальные науки не только описывают и объясняют реальность на языке теории субъекта, сколько конструируют возможные миры, создают и пересоздают социальную реальность через конструирование моделей мира (например, в «семантике возможных



миров»). Гуманитаристика как бы достраивает к привычному нам фундаменту материального мира «этажи смысла». Особый акцент мы обязаны сделать на исследовании специфики языка гуманитаристики, так как принципиально важным является понимание ее как коммуникативной сферы всех отраслей и типов научного и вненаучного знания. Посредником в этой коммуникации является язык.

В истории философии XX век прочно ассоциируется с так называемым «языковым поворотом». Акцент в значительном количестве философских исследований и концепций смещается в сторону изучения языка не просто как инструментария, обслуживающего философию и человеческую деятельность в целом, но как самостоятельной, ни к чему не сводимой реальности: «философия все больше внимания стала уделять языковым проблемам, рассматривая язык во всем многообразии его жизни, а не только как математизированно-логическую конструкцию» [1, с. 224]. Причем «языковой поворот» как культурный феномен коснулся не только философов, но во многом имел и другой источник, иной дисциплинарный центр: в первой половине XX века идет бурное развитие лингвистики, наращивается ее терминологический и методологический аппарат, накапливается обширнейший эмпирический материал. Начинается как бы встречное движение лингвистики и философии. Это сближение наиболее отчетливо проявилось в творчестве Э. Кассирера, М. Хайдеггера, Г.-Г. Гадамера, Л. Витгенштейна и др. Так рождается специфическая область философских исследований – философия языка или, в современных терминах, лингвофилософия; «при этом взаимное отталкивание классической метафизики и лингвистической философии в XX веке приводит к образованию своего рода пустого пространства в вопрошании о языке. Философия языка все более оформляется в школу со своим категориальным и методологическим аппаратом, который становится чуждым для ортодоксальной метафизики. Точно также и наследие философской классики остается для лингвофилософии скорее предметом критики – здесь создается явный разрыв в традиции» [2, с. 125].

Ключевым достижением лингвофилософии стала постановка вопроса о бытийственном статусе языка, постановка в широчайшем

диапазоне: от знаменитого максималистского хайдеггеровского «язык – это дом бытия» до библихинского специфического: «язык философии это не предмет и не тема исследования, это то, в чем мы хотим расслышать наш родной язык, заглушенный наружным шумом» [3, с. 11]. В различных лингвистических подходах предметами исследования выступают специфические характеристики языка, которые становятся доминантными: у Ф. де Соссюра – системность, у И.А. Бодуэна де Куртенэ – структурность и иерархичность, у Г. Пауля – типологичность, у Н. Хомского язык предстает как трансформационно-порождающая грамматика. Все эти достижения лингвистов, разумеется, не могли не повлиять на развитие современной философской мысли, которая и раньше не оставляла данную проблематику в стороне, однако ее разработка не была в числе приоритетов большинства философов.

Наверно, оправданным будет сказать, что наибольший вклад в разработку языковых вопросов в рамках классической философии внесли труды Д. Вико, Г. Лейбница, В. Гумбольдта. В них отчетливо видно, что философия стремится к универсальному языку (стремление, унаследованное от метафизики). Достижения философии стали мировоззренческими установками для лингвистов, однако в разработке конкретных вопросов языкознания они все дальше и дальше уходили от классического философского наследия. Само рождение лингвофилософии привело к разрыву с традицией. Лингвистика индивидуализирует язык, делая невозможным универсальное истинное, всем понятное высказывание. В целом этот поворот предопределил и развитие гуманитаристики, ее движение по пути индивидуализирующего, уникального и специфического знания.

Указанный разрыв с классикой привел к появлению двух параллельных традиций (стратегий) вопрошания о языке. Первую из них можно назвать «онтологической» (реалистической), восходящей еще к средневековой традиции, вторую – «логику-конструктивистской» (номиналистической). Разработка онтологической стратегии в первую очередь связана с именем М. Хайдеггера (язык как дом бытия).

Номиналистическая стратегия прежде всего реализовывалась в философствовании Л. Витгенштейна («вся философия – это кри-

тика речи» [4, с. 88]) и У. Куайна. Сходные идеи развивал неокантианец Э. Кассирер, чьи труды многими исследователями считаются предвестниками семиотического подхода: «Кассирер обнаружил фундаментальную символичность языковых форм, связав язык с основополагающей способностью человека к символизации, наряду с наукой, мифом, искусством. Этот „кантианский” ответ на проблему языка и символа во многом ознаменовал возможности трансцендентального решения поставленной проблемы» [1, с. 230]. В целом реализация номиналистической стратегии (например, в рамках аналитической философии) приводит к фокусировке исследовательского внимания на структурно-грамматических аспектах языка. Наилучшим примером является трансформационно-порождающая грамматика Н. Хомского, искавшего пути для чисто количественного описания языка с задействованием аппарата математической и формальной логики.

Некоторые важнейшие положения номиналистического подхода можно вычленивать, опираясь на «Логико-философский трактат» Л. Витгенштейна.

1. Речь должна состоять только из не противоречащих законам логики высказываний. Законы логики фундаментальны и универсальны, и язык подчинен им. «Представить в речи нечто „противоречащее Логике” так же маловероятно, как представить в геометрии посредством ее координат фигуру, противоречащую законам пространства, или дать координаты точки, которой не существует» [4, с. 56].

2. Нарушение универсальных законов логического мышления приводит к тому, что «с легкостью возникает основательная путаница, которой наполнена вся философия» [Там же. С. 75]. Источник этой «путаницы» заключен в неразграниченности в языке знаков и символов, и, «чтобы избежать этих заблуждений, мы должны использовать некий знаковый язык, который исключал бы применение одинаковых Знаков по отношению к Разным Символам и не применял бы одинаково Знаки, обозначающие по-разному. Этот знаковый язык подчиняется логической грамматике – логическому синтаксису» [Там же].

3. Необходимость пользоваться особым знаковым языком подразумевает, что «в логическом синтаксисе Значения Знаков не должны

играть никакой роли; он должен предполагать лишь описания выражений, без всякого упоминания о Значении» [Там же. С. 77]. Следовательно, по мысли Витгенштейна, в логическом синтаксисе имеет место лишь синтаксическая семантика, а семантика прагматическая места не имеет.

4. Данное понимание логического синтаксиса определяет постулат о принципиальной переводимости языков путем строгих дефиниций. «Дефиниции – это правила перевода с одного языка на другой. Каждая корректная знаковая система должна быть переводима в любую другую в соответствии с этими правилами: и это и есть то, что все они имеют общим» [Там же. С. 82]. Следовательно, уникальная, неперево-димая знаковая система, не соответствующая «логической форме», не имеет смысла.

5. Отсюда вытекает специфическое понимание функций философии: она обязана указывать нам на правильное и неправильное употребление языка. Философия «должна устанавливать границу мыслимому и тем самым немислимому. <...> Все, что вообще может быть помыслено, может быть помыслено ясно. Все, что возможно высказать, возможно высказать ясно» [Там же. С. 106].

Последний тезис особенно важен для понимания «Логико-философского трактата»: предложение всегда либо истинно, либо ложно – третьего не дано. В. Руднев свидетельствует: «Витгенштейн не видит причин для того, чтобы в том, что касается взаимоотношений между языком и Миром, оставались какие-то неясности. Это не значит, что обо всем можно говорить ясно. Правило другое: если об этом абсолютно точно невозможно сказать ясно, значит, это из той области, о которой вообще нельзя сказать никак. То есть либо надо искать пути для ясности, либо оставить попытки передать при помощи семиотических средств то, что при помощи этих средств принципиально непередаваемо» [Цит. по: 5, с. 106].

Наибольшее значение разработка данных положений имела для оформления к 30-м годам XX века «стандартной концепции науки» в рамках позитивистской философии, где впервые были четко обозначены требования к языку научной теории. Максимально заформализованные требования к научному языку в рамках концепции стандартной науки (в первом ее ва-



рианте) могут быть выражены в следующих тезисах [6, с. 12–68]:

1) язык научной теории строится на базе исчисления предикатов первого порядка с равенством;

2) стандартной частью этого языка являются логические символы, а внелогические символы подразделяются на три группы: а) словарь логических постоянных, б) словарь наблюдений, в) теоретический словарь;

3) словарь наблюдений описывает непосредственно наблюдаемые объекты и их свойства;

4) существует набор теоретических постулатов, не использующих словарь языка наблюдений;

5) терминам теоретического словаря дается экспликация в терминах словаря наблюдения с помощью правил соответствия [См.: 7, с. 13].

Таким образом, мы видим, что язык науки полностью отмежевывается от языка этики, языка философии, обыденного языка, так как не допускает никаких ценностных и неverified суждений. Концепция стандартной науки концентрируется на разработке максимально формализованного языка наблюдений и узкоспецифического языка теории. В целом эти изыскания определили поиски ценностно-нейтральной науки и подходящего языка описаний.

Такие поиски во многом опираются на разработки структуралистов. Например, Р. Якобсон выделял несколько функций языка:

1) эмотивную (функция выражения чувств и воли говорящего);

2) конативную (модальную) – вокативно-императивную;

3) референтную (функция обозначения предметов внешнего по отношению к сознанию мира);

4) метаязыковую (обеспечивает возможность говорить о языке с помощью языка);

5) фатическую (функция установления контакта);

6) поэтическую [См.: 8, с. 353–357].

По Р. Якобсону, поиски языка науки как раз и являются поисками метаязыка, т. е. языка описания «второго порядка», другими словами, языка, на котором возможно описание языка-объекта.

Именно поиски метаязыка гуманитарных наук обнажили сложность его формализации. В естественных науках и математике метаязык качественно отличается, так как состоит из

формальных символов, кванторов, операторов и т. п. А в гуманитаристике в качестве метаязыка выступает все тот же естественный язык, различие языка-объекта и языка «второго порядка» становится на практике неразрешимой задачей, решение которой потребовало бы построения системы настолько строгой и сложной, что она вряд ли могла бы выступать операциональной. Поэтому многие лингвисты и философы по мере развития и совершенствования своих систем вынуждены были отказать от «жестких» моделей языка в пользу более «мягких».

Например, в предшествующих рассуждениях мы отталкивались от взглядов Л. Витгенштейна, изложенных в «Логико-философском трактате». Однако справедливости ради необходимо оговориться, что ближе к концу жизни, в «Философских исследованиях», позиция Витгенштейна по ряду вопросов претерпела значительные трансформации. Прежде всего, он уходит от чрезвычайно узкого понимания языка, свойственного «Логико-философскому трактату». Во-первых, Витгенштейн приходит к заключению, что «основная масса предложений языка несводима к изъявительному наклонению, а стало быть, в принципе не может быть подвергнута верификации» [9, с. 29]. Во-вторых, доказывает нечто совсем не свойственное его ранним представлениям о языке. Витгенштейн развивает мысль о том, что язык – это социальное явление, хотя по-прежнему опровергает возможность существования «индивидуального языка». Однако даже несмотря на существенную трансформацию взглядов в поздний период творчества, в своих лингвофилософских исследованиях Витгенштейн все-таки не выходил за рамки номиналистической стратегии.

Качественно отличается реализация «онтологической» стратегии вопрошания о языке. Ей как раз, наоборот, свойственна попытка прорваться к тем пластам бытия, о которых нельзя ничего сказать с требуемой Витгенштейном степенью ясности и достоверности. М. Хайдеггер не стремился к исследованию структурно-грамматических аспектов, для него исключительно важно определение «качественных», «бытийственных» характеристик языка. Для него язык – живая, подвижная стихия, воплощенная в актах говорения. Онтологически

язык — процесс (речь), а не только и не столько результат. Хайдеггер пишет: «В конце концов философское исследование должно однажды решиться спросить, какой способ бытия вообще присущ языку. Есть ли он внутримирно подручное средство или имеет бытийный образ присутствия либо ни то, ни другое? Какого рода бытие языка, если он может быть „мертвым“? <...> Случайно ли, что значения ближайшим образом и большей частью «мирны», размечены значимостью мира, да даже часто по преимуществу «пространственны», или это „эмпирическое обстоятельство“ экзистенциально-онтологически необходимо, и почему? Философскому исследованию придется отказаться от „философии языка“, чтобы спрашивать о „самых вещах“, и оно должно привести себя в состояние концептуально проясненной проблематики» [10, с. 193–194]. Из данного фрагмента видно, что Хайдеггеру претит Аристотелева мысль о языке как «орудии мысли» — «орудие предполагает изготовленность, завершенность, а язык по своей сути незавершен и открыт» [1, с. 231].

Переместив вопрос о языке в онтологическую плоскость, М. Хайдеггер во многом предопределил основной вектор развития философско-лингвистических поисков в XX веке. Так или иначе, наше вопрошание о языке в конечном счете стало сводиться к вопрошанию о его бытийственном (онтологическом) статусе, что нашло отражение в «гипотезе лингвистической относительности», семиотике, лингвистике языкового существования и теории речевой деятельности.

На основе двух обозначенных подходов могут быть сформулированы крайние, предельные оппозиции в подходах к осмыслению проблем языка.

Первая позиция описывает язык как универсальную знаковую систему, ясную и понятную для любого конкретного языка. Любой конкретный язык рассматривается только как частное воплощение универсального (всеобщего) языка. Язык в данном случае является сферой чистого смысла, существующей в «метаязыковом пространстве как единое и неделимое целое для всех разновидностей этнических языков» [Там же. С. 239].

Вторая позиция стремится к лингвистическому солипсизму и описывает язык как

конкретно этническое явление. Отсюда вытекает постулат о принципиальной неперево-димости языков. Меняя знаковую систему, мы трансформируем сферу смыслов: одни оказываются привнесенными (не существующими в исходном языке), другие — утраченными (не существующими в языке, на который выполняется перевод).

Однако постулирование «закрытости» языка вовсе не означает отсутствие возможности существования всеобщего знания. Например, философского. С. Аверинцев предельно точно выразил квинтэссенцию разбираемого нами принципа в виде тезиса и антитезиса:

*«Тезис.* Все дело философии сводится к всестороннему эксплицированию импликаций, заложенных в языке данной культуры (причем слово „язык“ нужно понимать в буквальном „лингвистическом“ смысле, но также и во всех расширительных „семиотических“ смыслах — как язык форм культуры). Чем более адекватно мыслитель подходит к символике своего языка, чем более помогает ей разворачивать собственные потенции, тем выше его ранг как мыслителя, тем органичнее его мышление. Поэтому всякий подлинно философский текст принципиально закрыт для перевода.

*Антитезис.* Все существенное в истории философии как таковой (в отличие от истории интеллектуального быта) происходит в принципе по ту сторону различий в языке и культурных формах. Критерием для отличия собственно-философского от философского в несобственном смысле должна служить как раз свобода от языковых внушений. Поэтому всякий подлинно философский текст безразличен к языковым и культурным реалиям и принципиально открыт для любого перевода» [11, с. 374].

Схожую позицию выразил современник С. Аверинцева Э. Бенвенист: «Мы мыслим мир таким, каким нам оформил его сначала наш язык. Различия в философии и духовной жизни состоят в неосознаваемой зависимости от классификации, которую осуществляет наш язык» [12, с. 36]. Таким образом, мы видим: у многих исследователей акцент смещается в сторону убежденности в том, что множество языков порождают множество миров, т. е. в сторону онтологического релятивизма [См., например: 13, с. 185–212], подлинными основоположниками которого можно считать американских линг-



вистов Э. Сепира и Б.Л. Уорфа – создателей «гипотезы лингвистической относительности».

Основные положения гипотезы лингвистической относительности разрабатывались в 20–40-х годах XX века (речь идет о работах Э. Сепира «Язык. Введение в изучение речи» (1921), «Грамматист и его язык» (1924), «Статус лингвистики как науки» (1929) и Б.Л. Уорфа «Отношение норм поведения и мышления к языку», «Наука и языкознание» (обе – 1930-е; впервые опубликованы в 1956 году). В основе данной концепции лежит утверждение о том, что «не реальность определяет язык, на котором о ней говорят, а наоборот, наш язык всякий раз по-новому членит реальность. Реальность опосредована языком» [9, с. 99], т. е. язык и его структура определяют мышление и способ познания действительности. Язык разных наций, народов определяет свою, индивидуальную картину мира, понятную внутри языковой реальности народа. Кстати, такая постановка вопроса восходит к работам известного немецкого философа и языковеда XVIII–XIX веков В. фон Гумбольдта, для которого вопрос о единстве общечеловеческого языка и сосуществовании множества отдельных этнических языков являлся крайне теоретически значимым [См.: 14, с. 16–84].

Действительно, гипотеза лингвистической относительности во многих своих положениях отталкивается от теоретических построений Гумбольдта. Например, в одной из своих работ Гумбольдт писал: «Языки являются не только средством выражения уже познанной истины, но и, более того, средством открытия ранее неизвестной. Их различие состоит не только в отличиях звуков и знаков, но и в различиях самих мировидений» [15, с. 319].

Э. Сепир спустя столетие развивает эту мысль: «Люди живут не только в материальном мире и не только в мире социальном, как это принято думать: в значительной степени они все находятся и во власти того конкретного языка, который стал средством выражения в данном обществе. Представление о том, что человек ориентируется во внешнем мире, по существу, без помощи языка и что язык является всего лишь случайным средством решения специфических задач мышления и коммуникации, – это всего лишь иллюзия. В действительности же „реальный мир“ в значительной мере неосознанно

строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы. <...> Миры, в которых живут различные общества, – это разные миры, а вовсе не один и тот же мир с различными навешанными на него ярлыками» [16, с. 131].

Таким образом, можно вычленить основные постулаты концепции Э. Сепира.

1. Являясь субстратом мышления, язык одновременно внеположен сознанию и представляет собой самостоятельную символическую реальность. Язык образует собой сферу смыслов (семиосферу) конкретной языковой группы (этноса или социума).

2. Язык внерационален и интуитивен по сути. Он складывается на основе традиций многих поколений, а не является логическим конструктом. Данный принцип амбивалентен: с одной стороны, язык этноса или социальной группы есть не что иное, как продукт культуры, с другой стороны, сама культура и присущий ей набор ценностей и смыслов кодифицируется языком.

3. Любой естественный язык всего лишь «отражает привычки» социальной группы или этноса, следовательно, не может являться средством выражения абсолютных истин. Язык социален и локален, не может рассматриваться как универсальная знаковая система, принимаемая и используемая человечеством.

4. Каждый конкретный язык творит уникальную картину мира. Более того, делит мир на миры, а не интегрирует его, пронизывая универсальными смыслами. Носитель языка, благодаря структуре и семантическим особенностям последнего, воспринимает определенное отношение к миру, видит мир таким, каким диктует ему язык, принимает картину мира, сформированную родным языком.

Этот последний постулат обуславливает то, как Сепир усматривает взаимосвязь между языком и образом мышления. Эту связь он видит в совокупности психологии и языка. Вещи внешнего мира, которые видит человек, им же и называются, а специфика наименования вещей мира формирует специфику культуры, ее смысловой и ценностный стержень. Важным для понимания гипотезы лингвистической относительности является тот факт, что язык определенного народа хранит в себе систему ценностей, формирует способность людей иметь сходную форму мышления и поведения, вос-

принимать мир в соответствии с ценностями и опытом, накопленными предшествующими поколениями. Это значит, что язык не только и не просто инструмент суждения о мире, он — память. Причем память коллективно-историческая, а не личностно-индивидуальная.

Значительный вклад в разработку и конкретизацию вышеозначенных положений внес ученик Сепира Б.Л. Уорф. Будучи блестящим грамматистом, Уорф пытался отыскать ту детерминанту в структуре языка, через интерпретацию которой возможно его толкование. По мысли Уорфа, каркас языка — это грамматика. Грамматика организует язык, посредством языка мы упорядочиваем явления внешней по отношению к нашему сознанию действительности. Языковая стихия — не хаос и разгул свободы, как может некоторым показаться, но внутренне логичная система. Ее ключевая особенность в том, что она конвенциональна, язык — это молчаливая договоренность социальной группы о смысле и содержании понятий. Это делает возможным понимание людей друг другом. В свою очередь, грамматические структуры определяют правила построения высказывания. Высказывание, построенное по этим правилам, может быть понято и расшифровано. В одной из своих главных работ — «Наука и языкознание» Уорф пишет: «Грамматика сама формирует мысль, является программой и руководством мыслительной деятельности индивидуума, средством анализа его впечатлений и их синтеза. Формирование мыслей — это не независимый процесс, строго рациональный в старом смысле этого слова, но часть грамматики того или иного языка... <...> Мы расчлняем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком. <...> Мы расчлняем мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе в основном потому, что мы — участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию» [17, с. 209].

Разумеется, описываемая Уорфом конвенция внерациональна и не осознается участниками языковой группы, она присуща им априори: «...соглашение имеет силу для определенного речевого коллектива и закреплено в системе моделей нашего языка. Это соглашение, разумеется, никак и никем не сформулировано и лишь подразумевается, и тем не менее мы — участники этого соглашения» [Там же].

Принципиально важно отметить, что конвенциональная трактовка моделей языка в концепции Уорфа приводит к специфическому пониманию свободы человеческого мышления, а если говорить шире, к пониманию свободы в принципе: «... никто не волен описывать природу абсолютно независимо, но все мы связаны с определенными способами интерпретации даже тогда, когда считаем себя наиболее свободными» [Там же. С. 210]. Данное замечание принципиально, так как на самом деле речь идет не только об описании «природы», но о невозможности непредвзятого отношения к «другому», тем более к тому, кто является «чужим» по отношению к данной культуре и языковой группе. Язык членит, маркирует и окрашивает не только мир природных явлений, но и мир социальный, а также каждую крупницу нашей повседневной жизни, все ее практики. Мир тотально опосредован языком. Мышление и суждение о мире без языка невозможны, ибо даже чувства в процессе внутреннего говорения (речи) человек трансформирует в монологическое высказывание.

Таким образом, гипотеза лингвистической относительности рассматривает язык как феномен культуры отдельного языкового коллектива, который определенным образом концептуализирует действительность. Однако необходимо признать, что, сыграв огромную роль в культуре XX века, гипотеза лингвистической относительности в силу непроработанности ряда положений не получила должного признания в академической лингвистике, зато куда более значительным оказалось ее влияние на смежные отрасли знания: аналитическую философию, междисциплинарные культурологические исследования и т. п.

Сама по себе представляя частный случай онтологического подхода к вопрошанию о статусе языка, гипотеза Сепира — Уорфа тем не менее задала сразу несколько векторов для дальнейшего развития лингвофилософских исследований. Речь идет в первую очередь о семиотике и лингвистике языкового существования. В рамках первой максимально заострилась проблематика расшифровки смысла высказывания и возможности межъязыковой коммуникации, в рамках второй — проблематика исследования говорения как особого вида деятельности (речевой деятельности).



Обозначенные выше концепции, в том числе гипотеза лингвистической относительности, выявили существенные недостатки и упрощения в представлениях о языке как о неизменной логической структуре. Лингвистика языкового существования, восходящая к трудам Б. Гаспарова, в первую очередь разрабатывалась как попытка преодоления установок структурализма. Основное положение лингвистики языкового существования заключено в установке на исследование языка как некоей подвижной стихии, которую невозможно зафиксировать и описать в четких логических структурах. Следовательно, был необходим поиск новых способов изучения языка, новый способ вопрошания о языке. Развивая (как и Сепир с Уорфом) некую преемственность по отношению к теории В. фон Гумбольдта, Гаспаров формулирует основные задачи исследования языка. Он стремится развивать «такой подход к языку, при котором на первый план в качестве первичного объекта изучения выступил бы бесконечный и нерасчлененный поток языковых действий и связанных с ними мыслительных усилий, представлений, воспоминаний, переживаний» [18, с. 5]. Главное при данном подходе — понимание языка как особой среды, в которой мы существуем: «Язык окружает наше бытие как сплошная Среда, вне которой и без участия которой ничто не может произойти в нашей жизни. Однако эта Среда не существует вне нас как объективированная данность; она находится в нас самих, в нашем сознании, в нашей памяти, изменяя свои очертания с каждым движением мысли, каждым проявлением нашей личности» [Там же].

Важнейшее отличие выдвигаемой Гаспаровым теории от взглядов структуралистов состоит еще и во взгляде на природу высказывания. Структуралисты полагали, что языковой фундамент составляют грамматические правила, правила эти усваиваются человеком во время овладения навыками говорения и в дальнейшем высказывания порождаются им в соответствии с этими усвоенными ранее правилами. Гаспаров такую точку зрения на порождение высказывания называет «репродуктивной» и противопоставляет ей свою, которую называет «операционной». Сущность операционной модели порождения высказывания в том, что мы не апеллируем всякий раз к правилам, а пользуем-

ся готовыми речевыми блоками, словосочетаниями, цитатами и т. п. Таким образом, у Гаспарова практически упраздняется важнейшее для структуралистов (Ф. де Соссюра, Р.О. Якобсона) разграничение языка и речи и возникает новое явление — речевая деятельность, в которой существование языка неотделимо от высказывания. Более того, «основой владения языком, обеспечивающей говорящим успешное обращение с ним, признается не языковая рефлексия, но языковая память» [Там же. С. 117], и далее: «вся наша языковая деятельность — и создаваемая, и воспринимаемая нами речь — пронизана блоками-цитатами из предшествующего языкового опыта» [Там же. С. 119].

Речевая деятельность — это сращение, «сшивание» (в терминах Гаспарова) нескольких коммуникативных фрагментов. «Коммуникативный фрагмент» — специфическое понятие лингвистики языкового существования, трансуровневая языковая единица: «Коммуникативные фрагменты — это отрезки речи различной длины, которые хранятся в памяти говорящего в качестве стационарных частиц его языкового опыта и которыми он оперирует при создании и интерпретации высказываний. Коммуникативный фрагмент — это целостный отрезок речи, который говорящий способен непосредственно воспроизвести в качестве готового целого в процессе своей речевой деятельности и который он непосредственно опознает как целое в высказываниях, поступающих к нему извне» [Там же. С. 118].

Однако само по себе наличие в нашей памяти бесчисленного множества коммуникативных фрагментов еще не означает автоматического порождения целостного с точки зрения смысла высказывания. Чтобы речь говорящего обрела целостность и ясность, коммуникативные фрагменты должны быть каким-либо образом соединены: «Задача говорящих состоит в том, чтобы „подогнать“ друг к другу эти готовые куски (*коммуникативные фрагменты*. — К. К.) таким образом, чтобы получившееся целое производило такое же ощущение правильности и осмысленности, как и составившие его готовые компоненты; то есть чтобы это целое, хотя и созданное впервые, достаточно убедительно возникало из сращений знакомого и понятного языкового материала и в силу этого достаточно ясно „узнавалось“ бы в качестве целостного об-



разования. <...> Техника слияния известных говорящему фрагментов позволяет производить бесчисленные импровизированные действия над конкретным языковым материалом, не прибегая к абстрактным правилам построения и при этом добиваясь приемлемых результатов» [18, с. 167–168].

Таким образом, для лингвистики языкового существования становится важным введение еще одного понятия – «коммуникативный шов». «В условиях языкового существования важнейшим приемом создания более обширных речевых образований служит не соединение, но сращение, или „сшивание”, исходных компонентов языкового материала. Мы будем называть то место в высказывании, по которому проходит такое сращение, речевым швом. Речевому шву принадлежит критически важная роль в превращении готовых, отложившихся в памяти кусков речи в новое целое, впервые создаваемое

в данный момент, в данной ситуации речевой деятельности. Успех каждого речевого акта во многом определяется тем, насколько удачно подобраны составляющие коммуникативные фрагменты и найдены приемы наложения швов, приводящие к их срастанию» [Там же. С. 169].

Сама возможность «сшивания» коммуникативных фрагментов в единое целое обеспечивается их особыми свойствами: «„Рыхлость” границ фрагмента, способность его пластично изменять очертания создает предпосылку для тех срастаний и растворов, которые происходят с ним в высказывании» [Там же].

Представляется, что Б. Гаспаров ближе многих лингвистов подошел к пониманию (именно к пониманию, а не объяснению!) механизмов порождения речи. Думается, что лингвистика языкового существования – очень перспективное направление в лингвофилософии и многие ее установки могут успешно развиваться.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Григорьев А.А. Между философией и лингвистикой: локус концепта // Постижение культуры. Вып. 11. М., 2001.
2. Руденко Д.И., Прокопенко В.В. Философия языка: путь к новой эпистеме // Язык и наука конца XX века. М., 1995.
3. Бибихин В.В. Язык философии. М., 2002.
4. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Избр. работы. М., 2005.
5. Он же. Избранные работы. М., 2005.
6. Suppe F. The search for philosophic understanding of scientific theories. Urbana, 1974.
7. Огурцов А.П. Страстные споры о ценностно-нейтральной науке // Лэйси Х. Свободна ли наука от ценностей? М., 2008.
8. Jakobson R. Linguistics and poetics. N. Y., 1960.
9. Руднев В. Энциклопедический словарь культуры XX века. М., 2001.
10. Хайдеггер М. Бытие и время. М., 2003.
11. Аверинцев С.С. Предварительные заметки к изучению средневековой эстетики // Древнерусское иск-во. Зарубежные связи. М., 1975.
12. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
13. Quine W.V.O. Ontological Relativity // The J. of Philosophy. 1968. Vol. LXV, no. 7.
14. Humboldt W. Ueber die Verschiedenheiten des menschlichen Sprachbaues. Berlin, 1963.
15. Гумбольдт В. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития // Избр. тр. по языкознанию. М., 1984.
16. Сепир Э. Статус лингвистики как науки // Языки как образ мира. М., 2003.
17. Уорф Б.Л. Наука и языкознание // Там же.
18. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.



K.I. Kiychenko

## HEURISTIC VALUE OF THE HYPOTHESIS OF LINGUISTIC RELATIVITY IN MODERN HUMANITIES

KIYCHENKO Kirill I. — *Lomonosov Moscow State University.*

GSP-1, ul. Leninskie Gory, 1, Moscow, 119991, Russia

e-mail: philos@inbox.ru

Human sciences are presented as a synergy of daily real life experience and a theoretical approach to exploring the reality. The author states that the role of human sciences is to “translate” the description of reality from layman terms into the language of the appropriate discipline. Thus, the primary focus is on the analysis of the very fundamentals of the modern lingual philosophy and on the problem of the language existential status in terms of the hypothesis of linguistic relativity.

HYPOTHESIS OF LINGUISTIC RELATIVITY; HUMAN SCIENCES; RATIONAL TYPES;  
PHILOSOPHY OF LANGUAGE; L. WITTGENSTEIN; B. GASPAROV.

### REFERENCES

1. Grigoryev A.A. [Between philosophy and linguistics: locus concept]. *Postizheniye kultury* [Comprehension of culture]. Vol. 11. Moscow, 2001. (In Russ.)
2. Rudenko D.I., Prokopenko V.V. [Philosophy of language: the path to the new episteme]. *Yazyk i nauka kontsa XX veka* [Language and science of the late XX century]. Moscow, 1995. (In Russ.)
3. Bibikhin V.V. *Yazyk filosofii* [The language of philosophy]. Moscow, 2002. (In Russ.)
4. Wittgenstein L. Logiko-filosofskiy traktat [Logical-philosophical treatise]. *Selected works*. Moscow, 2005. (In Russ.)
5. Wittgenstein L. *Selected works*. Moscow, 2005. (In Russ.)
6. Suppe F. The search for philosophic understanding of scientific theories. Urbana, 1974.
7. Ogurtsov A.P. Strastnyye spory o tsenostno-neytralnoy nauke [Passionate debate about the value-neutral science]. *Lacy K. Svobodna li nauka ot tsennostey?* [Free science from the values?]. Moscow, 2008. (In Russ.)
8. Jakobson R. Linguistics and poetics. New York, 1960.
9. Rudnev V. *Entsiklopedicheskiy slovar' kul'tury XX veka* [Encyclopedic dictionary of twentieth-century culture]. Moscow, 2001. (In Russ.)
10. Heidegger M. *Bytiye i vremya* [Being and time]. Moscow, 2003. (In Russ.)
11. Averintsev S.S. Predvaritelnyye zametki k izucheniyu srednevekovoy estetiki [Preliminary notes to the study of medieval aesthetics]. *Drevnerusskoye iskusstvo. Zarubezhnyye svyazi* [Medieval Russian art. Foreign relations.]. Moscow, 1975. (In Russ.)
12. Benveniste E. *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Moscow, 1974. (In Russ.)
13. Quine W.V.O. Ontological Relativity. *The J. of Philosophy*, 1968, vol. LXV, no. 7.
14. Humboldt W. Ueber die Verschiedenheiten des menschlichen Sprachbaues. Berlin, 1963.
15. Humboldt W. O sravnitelnom izuchenii yazykov primenitelno k razlichnym epokham ikh razvitiya. [About the comparative study of languages in relation to different periods of their development]. *Selected works*. Moscow, 1984. (In Russ.)
16. Sapir E. Status lingvistiki kak nauki [The status of linguistics as a science]. *Yazyki kak obraz mira* [Languages as the image of the world]. Moscow, 2003. (In Russ.)
17. Whorf B.L. Nauka i yazykoznanie [Science and linguistics]. *Yazyki kak obraz mira* [Languages as the image of the world]. Moscow, 2003. (In Russ.)
18. Gasparov B.M. *Yazyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Language, memory, image. Linguistics language of existence]. Moscow, 1996. (In Russ.)